

СЕМНАДЦАТЬ МГНОВЕНИЙ...

ИРИНА ЛЕМ

Ирина Лем

Семнадцать мгновений...

«Автор»

2026

Лем И.

Семнадцать мгновений... / И. Лем — «Автор», 2026

Третий рассказ про Веронику. Мечта сбылась - Вероника оказалась за границей. Но никто не обещал ей легкой жизни. И заграница - вовсе не рай на земле. Все чужое: люди, машины, обычаи, язык, передачи в телевизоре. Но однажды, в каком-то чужом документальном фильме услышала знакомую мелодию... из советского фильма... И нахлынула ностальгия...

© Лем И., 2026

© Автор, 2026

Ирина Лем

Семнадцать мгновений...

- А-чхи! Чхи! Чхи! – раздалось за стеной спальни, и заиграла тяжелая, классическая музыка - приглушенная, но отлично слышимая в хрупкой утренней тишине.

Вероника ничего не имела бы против, если бы услышала ее не в шесть часов утра. На работу вставать в семь, и она поспала бы еще часок, но уже пробудилась - где-то глубоко в затылке и неясно. Настолько неясно, что не ощутила ни капли раздражения в адрес пожилой француженки, с которой соседствовала спальнями.

При слове «француженка» часто возникает образ некоей утонченной дамы типа Коко Шанель, которая и в старости не позволяла себе выходить на люди, не покрасив волос, губ и ногтей. Соседка же совершенно не походила на знаменитую соотечественницу: маленькая, сутулая старушка в бесформенном пальто, с растрепанными волосами, поседевшими неравномерно и принявшими непонятный, грязный цвет. Именно этими неухоженными волосами она позорила стильное звание «француженки». Жила она в Голландии давно и одиноко. С соседями не общалась по причине слабого владения языком – этот ее недостаток Вероника открыла, когда один раз поговорила, стоя на балконе.

«Поговорила» - неточное слово, так, перебросилась фразами.

Была весна, самый разгар, в саду плодое дерево сплошь покрылось крупными, белорозовыми цветками – прямо-таки голландская сакура. Плоды его, не похожие на вишню, но тоже красные и съедобные, появлялись в августе. Когда ветки дотягивались до второго этажа, Вероника их срывала и не чувствовала себя воровкой – все равно голуби склюют. Соседка выглянула из окна кухни, что-то коротко сказала, показывая глазами на дерево. Вероника не разобрала, из вежливости ответила – да, красиво. Соседка проговорила еще что-то, длинно и неразборчиво, на что отвечать не имело смысла. Вероника кивнула и ушла в комнату. Жить в стране и не владеть языком – это инвалидность, почему на старости лет дама не вернулась на родину?

Неизвестно.

И было бы неважно, если бы не ее неподходящий утренний ритуал: ни свет ни заря чихнуть три раза и завести оркестр, иногда с завывающим оперным голосом. Наверное, она желала подчеркнуть свое благородное происхождение, или хорошее воспитание, или музыкальное образование. Или считала по-французски элегантным просыпаться под классическую музыку и, отчихавшись, принести себе в кровать свежий капучино с хрустящим круасаном.

Потом она включала телевизор, и Вероника слышала речь – однотонной скороговоркой, в нос и с частным употреблением звука «же», которого нет в голландском. И разговаривают здесь совсем в другой манере - неторопливо, разборчиво. Но тоже картаво, на французский манер, особенно в южной провинции Брабант, который граничит с Бельгией...

Потом звонил будильник у Вероники. Его миссия заключалась не в том, чтобы разбудить хозяйку, а в том, чтобы подать знак – пора вставать. Она, не глядя, хлопала ладонью по верхней кнопке, открывала глаза и лениво потягивалась, как кошка после долгого лежания в одной позе. Руки в замок и поднять повыше. Ноги вытянуть подлиннее. Покрутить ступнями, пять раз в одну сторону, пять в другую. Прочитала недавно в русской газете - лежащая гимнастика легка и полезна, помогает быстрее проснуться, подготовить мышцы к работе.

В самый разгар упражнений по второму заходу пикал будильник, причем настойчивее. Вероника нажимала другую кнопку, сбоку, отбрасывала одеяло и вставала с кровати.

В тот день было русское Рождество, но в Голландии его, естественно, не отмечали. Свое, католическое отпраздновали две недели назад и уже забыли, будто и не было, жили каждо-

дневными заботами. Елки выбросили на второй день Рождества, даже до Нового года не дали достоять. Эту местную традицию Вероника не понимала и принимать категорически отказалась. Она поставила себе задачу интегрировать в голландское общество, но чтобы встречать Новый год без елки... Нет, это заходило слишком далеко и вообще выходило за пределы ее логики.

Любая интеграция начинается с освоения местного языка. Голландский – язык корявый, говорят, по сложности уступает лишь китайскому. Многословный – есть понятия, которые на русском объясняются одним словом, а на голландском целой фразой, потому переводные книги в полтора раза толще оригинала. Есть слова, которые звучат одинаково на обоих языках, например: кучер, лампа, стул, их, кажется, еще царь Петр на родину из Голландии привез.

Хорошо детям, они овладевают языками без напряжения, на слух. А когда тебе за сорок, учить что-то сложновато, даже если имеются способности к запоминанию и достаточный уровень интеллекта. Но мозги забиты воспоминаниями, эмоциями, ожиданиями, в них мало места для новой информации. Чтобы ее туда впихнуть, необходима настойчивость. Еще способность фантазировать, сравнивать, догадываться.

И помощь извне не помешает.

Помощь оказал муж Симон, который работал в библиотеке. Ежемесячно там проводили ревизию и списывали в утиль книжки, потерявшие внешний вид. Симон отбирал нужные и приносил домой, бесплатно. Самой ценной книгой для Вероники стал голландско-русский словарь – толстенный фолиант в твердых синих обложках, которые немножко протерлись внизу.

После получения вида на жительство плотно занялась языком, учила днем на официальных курсах, вечером дома по детским книжкам с картинками. Делала домашние задания, давала проверять мужу. Писала с ним диктанты, чтобы запоминать грамматику. Правильное произношение с ней лично тренировал один добрый преподаватель, когда у него выпадал свободный час.

Изучение языка состоит из четырех дисциплин: «читать», «писать», «понимать» и «говорить». Последняя – самая сложная, приходит позже всех, скорее всего из-за того, что люди стесняются делать ошибки и выглядеть смешными. Вероника не стеснялась: кто хочет, пусть смеется, а сразу превосходно овладеть чужой речью еще никому не удалось.

С мужем поначалу общалась на английском, оба владели им на бытовом уровне. Когда занялась изучением местного языка, английский вылетел из головы. Неважно. Он, как шекспировский Мавр – сделал свое дело, и может уходить. Когда понадобится, вспомним.

Сама она была неболтливой, и приходилось себя заставлять больше разговаривать, чтобы Симон указывал на ошибки. Он любил поговорить, на разные темы, в том числе о себе. Вероника слушала с двойным вниманием – вникнуть в язык и получше узнать мужа, ведь поженились они, практически не зная друг друга.

Не до того было. Оба спешили, особенно замученная неустроенностью жизни Вероника. Неустроенность проистекала по не зависящим от нее причинам. В те критические годы страна сделала резкий поворот и сменила две важнейшие вещи: название – с Союза на Россию и государственный строй – с социализма на... неизвестно что. Произошло массовое бегство граждан за рубеж, о чем ежедневно показывало передачи телевидение. Задумала сбежать и Вероника.

Познакомилась с Симоном по международному объявлению в газете. Впервые встретились на нейтральной территории, в Польше – туда ей оказалось легче приехать по турвизе. Провели вместе три дня. Замечательные. Волшебные. Как в сказке. Хотя и не походил Симон на «прекрасного принца» – на восемнадцать лет старше, тогда ему было уже под шестьдесят, роста невысокого, толстый, во рту зубов через один. Но был он последней надеждой Вероники, а последней надежде в зубы не смотрят...

Она честно намеревалась жить с ним долго и счастливо, но ни то, ни другое не удалось.

Вот принято считать, что в разводе виноваты оба. Неправильно это. Очень часто виноват один. И почему сразу – виноват? Просто захотел развестись и все.

Ее первый брак – с русским мужчиной не получился, за что она полностью брала вину на себя. Второй брак, с Симоном, тоже не получился, но на сей раз из-за его неуживчивого, корявого характера, о чем говорил тот факт, что она оказалась его четвертой женой. И то, что он многие годы не общался с единственным родным братом. И то, что у него практически не было друзей...

Если бы она знала это с самого начала, не спешила бы, искала бы других зарубежных корреспондентов.

Но это из поговорки «если бы да кабы».

Когда узнала свой номер в списке его жен, понадеялась, что окажется его последней супругой, что он с возрастом поумнел, остепенился, стал терпимее...

Он жил в Гааге, в скромной трехкомнатной квартире, и привез туда Веронику.

Ее первое впечатление от Голландии: все люди – иностранцы, все машины – иномарки. Второе – богатейшая страна. Маленькая, уютная, ухоженная. Чистая. Цветы на каждом шагу, деревья, парки в несколько гектаров прямо посреди города. Сияющие чистотой и новизной автобусы – с затемненными окнами и кондиционерами. Даже на загруженных транспортом улицах воздух не загрязнен автомобильными выхлопами. Здания школ, госучреждений, магазинов не оскорбляют взгляд обшарпанностью или облезлостью.

На дорогах взаимное уважение и нежелание создавать аварийные ситуации. Ступишь на «зебру», ближайшая машина останавливается и ждет, не подгоняя пешехода нетерпеливыми гудками.

Вообще заметно уважение к человеку. Рядом с обычной лестницей обязательно пологий спуск для колясок и велосипедов. На перронах, остановках – выпуклости в тротуаре, которые слабовидящие люди ощущают подошвой. Автобус подъедет, опустится на передних колесах, чтобы пожилым и детям не пришлось высоко поднимать ноги. Мелочи, из которых состоит целое.

У людей расслабленные лица и неторопливые движения. Ходят по магазинам, сидят на террасах, едят, пьют, болтают, смеются. Много мужчин. Они хорошо одеты и пахнут хорошим парфюмом в отличие от русских, которые «благоухают» тремя вещами – потом, перегаром и табачищем. Женщины выглядят довольными, макияжем не увлекаются, одеты удобно, обувь носят без каблучков.

Встречая непринужденные, доброжелательные взгляды, Вероника подумала: вот страна победившего счастья. Здесь все так умно устроено, что у жителей не может быть проблем. Они не печалются о прошлом, не страшатся завтрашнего дня. Не болеют и не умирают.

Возмечтала: вот бы влиться в эту идиллию, расслабиться, пожить по-человечески...

Первый год ее оказался кошмарным. Привыкание к новой стране – это стресс, который не зря «культурным шоком» называют. Получала его Вероника каждый день. Прежде всего от того, что не владела языком и чувствовала себя немой, от того беспомощной – ни в магазине объяснить, ни по телефону ответить, ни со врачом поговорить. Тупо смотрела в телевизор и удивлялась – неужели Симон понимает эту странную речь?

Еще стресс от неопределенности собственного статуса. Брак заключить в Голландии оказалось сложно даже со всеми ее документами, подтвержденными апостилем. Симон нанял адвоката, и тот пообещал урегулировать вопрос. Урегулирование длилось долго, двухнедельная Вероникина виза давно просрочилась, и она не знала, на каком положении жила. Адвокат уверял, что на легальном, но было сомнительно. Вероника боялась, что в один день придет полиция и выдворит ее из страны как злостную нарушительницу закона.

Переживала за сына, который остался дома с престарелым, больным дедом, Вероникиним родителем. Сыну четырнадцать – самый сложный возраст, а он без отца, без матери...

Но самый сильный стресс она получала от последней Симоновой жены, третьей по порядковому номеру. Вероника болезненно ревнивая, но думала, что мужчина, который на восемнадцать лет старше, не даст повода.

Как бы не так!

Эта третья, марокканка Фатиха, оказалась на редкость наглой, что в их национальной натуре, как потом выяснилось. Она была на двадцать лет моложе Симона и за пять лет брака «раздела догола». Да встречи с ней он имел хорошую работу, машину, здоровье. После – ничего, впридачу инвалидность.

Познакомились в Мадриде, виделись два дня, потом он уехал, оставив девушке номер телефона.

Девушка оказалась предприимчивая, названивала каждый день и, в конце концов, напросилась в гости. Приехала в Голландию и осталась навсегда, быстренько оформив брак с Симоном – тогда это делалось просто, без всяких документов и апостилей, только паспорт и все.

Через год он купил ей дом в Марокко, в приморском городе Танжер, где поселилась ее многочисленная родня. Обеспечивал их всех. Помог найти голландских женихов трем ее сестрам. Принимал ее родню у себя: вызовы, оформление виз, билеты, проживание – полностью за его счет. Когда она ездила на родину, он давал деньги на подарки. Оплачивал покупки, которые она делала по каталогам – это вдвойне дороже, чем в магазине, но лень отрываться от дивана, к тому же деньги-то не ее. И еще много вещей совершал, которые Вероника расценила бы как глупые. Одна из них – подозревал, что жена спуталась с соседом-марокканцем, но терпел. Боялся, что молодая жена его бросит.

Наверное, понимал, что его используют, но... любил, что ли. Через пять лет совместной жизни получил инфаркт левой половины мозга и парализацию правой половины тела. Лежал на больничной кровати – без понимания, без движения. Одни глаза шевелились.

Медицина здесь одна из лучших в Европе и не зависит от доходов больного, каждого лечат одинаково – и бездомного, и директора. Ну, может, только королевскую фамилию обслуживают с чуть большим вниманием.

Выходили Симона.

Долго реабилитировался, года полтора, учился заново говорить, писать, ходить. Восстановился почти полностью, лишь правую ногу при ходьбе подволакивал.

Работу, конечно, потерял, сел на пособие. Помощь оказывать не в состоянии, самому бы кто помог... Только не Фатиха. У нее-то получилось удачно: перед самой Симоновой болезнью родила от него ребенка и как раз получила заветный паспорт, а с ним право на социальную помощь. Пока муж лежал в больнице, она нашла новую квартиру и обставила ее мебелью, вывезенной из Симоновой квартиры. Он не обиделся. Более того. За ненадобностью продал машину и купил ей двуспальную кровать, стол и стулья – по старой привычке помогать.

Эту привычку и Веронике хотел навязать.

Она не проявила энтузиазма.

Европейские отцы – ответственные и любящие, но существуют границы. Вероника была не против контактов Симона с сыном, но против пронырливости марокканки и ее слишком навязчивого присутствия. Под предлогом, что «она мать его ребенка», Фатиха пользовалась бывшим, будто он был ее настоящим, только жили врозь и спали с кем хотели. Названивала ему по несколько раз в день с просьбами, которые касались, в основном, ее: помоги оформить вызов в Голландию очередной родственнице, помоги отвезти в ремонт кофейный аппарат, помоги написать открытку с поздравлениями, подскажи, что делать с любовником, который ударил, и так далее до бесконечности.

Он охотно болтал с ней по телефону, помогал безропотно, как верный раб. С ней был он дурак и тряпка, а с Вероникой – колючий, непредсказуемый. Энергетический вампир. Ей и без

того тяжело, а он еще изводил мелочами: то кофе до дна не допила, то посуду мыла и шумела, то слишком много горчицы наложила на тарелку, то водку выпила залпом, а не глотками...

Зато свою бывшую прямо-таки боготворил. Упоминал при каждом удобном случае. Снег пошел, он говорит: Фатиха здесь впервые снег увидела. Проходили мимо какого-то учреждения, он говорит: Фатиха здесь на курсах училась. За ужином нет-нет, да и вставит: Фатиха вкусный кус-кус готовила. Или суп, или еще что-то.

Каждый день – Фатиха, Фатиха, Фатиха...

Эти постоянные упоминания, ее звонки, ее посещения, ее слишком заметная власть над Симоном и его слишком охотное подчинение усиливали Вероникин стресс.

Вдобавок регулярно звонила его вторая жена, от которой у него дочь Симона.

Один раз вообще произошел случай прямо-таки из мыльной оперы. Сидели вечером в субботу перед телевизором, смотрели «Комиссар Рекс». Звонок. Симон поднял, ответил, и лицо его вытянулось. Потом объяснил: звонила женщина, сказала «Меня зовут Яннеке, я твоя дочь от Герды». Герда была его любовницей лет тридцать назад, недолго, расстались из-за ее пристрастия к алкоголю и распутного образа жизни. Симон знал, что у нее позже родилась дочь, но сильно сомневался в своем отцовстве. Яннеке сказала, что больна и в тяжелом материальном положении, просила о встрече. Он согласился. Ждал ее в условленном месте, в условленный час, но она не пришла.

У Вероники голова шла кругом. Все эти бывшие жены, считавшие, что имеют право вторгаться в личную жизнь Симона лишь на том основании, что они матери его детей. Все его дети, внуки, общим числом – сколько? Точно он, кажется, и сам не знал. И все звонят, у всех глобальные заботы, проблемы, в которых потонули Вероникины – мелкие, незначущие.

Неуверенность, ревность, страхи, стрессы грызли и давили на психику. Если психика не в порядке, то болен весь организм. Вероника похудела до веса, который имела в восемнадцать лет, ей тогда одна «добрая» подружка сказала «ты тощая, как велосипед».

Напали недомогания. В спину вступила боль, которая не давала сгибаться и поворачиваться. Головокружения, тошнота появлялись ниоткуда, когда просто стояла или сидела. Как-то бежала на трамвай, ноги в щиколотках подкосились, она упала и растянулась по тротуару во всю свою длину. Лежала, глядела вслед уходившему трамваю, и так обидно стало, что он ее не дождался, что заплакала...

С тех пор частенько плаксивость нападала – признак депрессии. Ночами не спала, все думала. А когда накоротко забывалась, разговаривала во сне, ей Симон потом рассказывал.

Во сне разговаривает тот, у кого накопилось в душе, а излить некому. У Вероники двойная неудача: даже если выскажется – кто поймет?

Хотя бы тот, кто рядом, догадался бы посочувствовать, молча приласкать, она бы ему сторицей ответила. Но он ее в свое сердце не впускает, в любви ее не нуждается. Задвинул на второй план, нет на десятый – после всех своих жен, детей и внуков. Вроде, дал понять – он ее поит-кормит, должна молчать и быть благодарной. Как птичка в клетке.

Но она же человек! Полгода под прессом и в разброде – говорит то по-английски, то по-голландски, думает по-русски. Не понимает, что происходит, на каком положении находится. Еще не жена, и неизвестно будет ли ею когда-нибудь – процедура легализации затягивалась, и могло такое произойти, что попросят ее убраться восвояси. А сколько сил и энергии приложила, чтобы здесь зацепиться! Потратила последние доллары, которые собирала еще в докризисные времена. Другого подобного предприятия ей уже не совершить. К тому же сын – один там, годы подходят, скоро в армию, а это конец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.